

степень взаимозависимости государств через общность глобальной инфраструктуры, среды обитания и через территориальное разделение труда.

Однако, важно отметить, что модель, ориентированная на принципиальную консолидацию стран, которая концентрируется на приоритетах сугубо регионального и субрегионального характера может привести к замкнутости и отторжению белорусско-российского приграничья от международного сообщества, а также отдаляет перспективу преодоления недостатков стратегии «догоняющего развития».

Риски одновекторной консолидации также связаны со статусом лидера в региональном сотрудничестве, который принадлежит России. Это обусловлено идеологическими, социокультурными, территориальными, финансовыми, религиозными и другими индикаторами. Ориентация российской политической элитой на доминирование в рамках взаимодействия становится отталкивающим фактором для полноценной и равноправной интеграции со стороны других субъектов взаимодействия. Другим фактором, который дополняет амбициозность российского государства и одновременно оттеняет положительные перспективы регионализации, является то, что государство в региональных условиях также должно мириться с ограничением суверенитета и передачей ряда полномочий в надгосударственный орган.

Важную роль в выборе стратегий внутреннего и внешнего развития играет статус цивилизации в международной системе координат. А внутренние и внешние вызовы глобализации ставят перед белорусско-российским союзом эпохальный выбор в самоопределении и идентификации на мировой арене. Поэтому прогнозировать перспективы развития белорусско-российского приграничья необходимо посредством вычленения его исторической роли и места в глобальном мире. Важно сохранять объективную позицию, выявляя как достоинства, так и риски любой стратегии развития. И сегодня перед социогуманитарным сообществом Беларуси и России стоит одна из самых непростых задач – проектирование геополитического развития с учетом влияния глобализирующегося общества.

Список использованной литературы

1. Robertson, R. Globalization or glocalization? / R Robertson // The Journal of International communication. – 1994. – P. 33-52.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: Москва, 2007. – 571 с.
3. Панарин, А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке / А.С. Панарин. – М.: Логос, 1998. – 389 с.

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, ПРИГРАНИЧНЫЙ КОНТЕКСТ

А.А. Лазаревич

г. Минск, Институт философии НАН Беларуси

Цель статьи – анализ новых возможностей белорусско-российского сотрудничества в связи с реализацией стратегических приоритетов постиндустриальной модернизации.

Ключевые слова: белорусско-российское сотрудничество, постиндустриальная модернизация, наука, образование, гуманитарные ценности.

Сотрудничество Беларуси и России имеет глубокие исторические корни, опирается на прочный фундамент общих культурных традиций и гуманитарных ценностей,

подпитывается стратегическими задачами обеспечения региональной и глобальной безопасности. Важнейшее значение в этом процессе принадлежит белорусско-российскому приграничью, которое следует рассматривать в качестве эффективного инструмента развития отношений между двумя братскими странами и народами, строительства Союзного государства, углубления евразийской интеграции в целом.

Формат белорусско-российской интеграции, механизмы ее реализации по-разному оцениваются как отечественными, так и зарубежными специалистами, но не подлежит сомнению главное – идея многоуровневого тесного сотрудничества – синергетическая связь экономик, культур, научных и образовательных систем, гуманитарных проектов. Она фактически безальтернативно воспринимается и в Республике Беларусь, и в Российской Федерации, и даже в среде оппонентов евразийского вектора интеграции.

Сегодня Республика Беларусь осуществляет внешнеторговые отношения почти со всеми регионами Российской Федерации. Совершенствуется договорно-правовая база белорусско-российского сотрудничества, которая только на региональном уровне включает около 200 договоров, соглашений и протоколов о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном строительстве.

Эффективным инструментом регулирования двусторонних отношений являются Советы делового сотрудничества, а также рабочие группы по сотрудничеству, созданные совместно с администрациями ряда регионов России, включая регион белорусско-российского приграничья. Важная роль отводится Белорусско-Российскому Совету по долгосрочному сотрудничеству областей, министерств, органов государственного управления.

Серьезное развитие получила практика создания на территориях субъектов Российской Федерации в дополнение к торгово-логистическим центрам и торговым домам белорусских товаропроизводителей сборочных производств машиностроительных предприятий Республики Беларусь. Примером эффективного сотрудничества регионов Беларуси и России являются совместные программы, финансируемые из бюджета Союзного государства. Интерес к этим программам постоянно растет. Для широкого информирования деловых кругов и общественности об уже реализуемых и новых программах и мероприятиях Союзного государства Постоянным Комитетом Союзного государства с 2006 г. ежегодно проводится Форум программ и проектов Союзного государства.

В рамках договора о сотрудничестве между РАН и НАНБ ведется работа по углублению совместных научно-исследовательских разработок. Главным направлением наращивания интеллектуального потенциала обеих стран является развитие интеграции науки, образования и производства. Сегодня важно восстановить нарушенное соотношение между научно-техническим потенциалом, финансовыми возможностями его поддержки и объемами коммерциализации объектов интеллектуальной собственности. Значительное место в этом процессе должен занять комплекс давно назревших мер по охране интеллектуальной собственности, активному продвижению традиционных и вновь создаваемых белорусских и российских брендов в условиях международного разделения и кооперации деятельности.

Нельзя не отметить необходимость углубления белорусско-российского сотрудничества на основе подключения к этому процессу инновационных подходов и технологий, науки и образования, т. е. того, что определяет экономику знаний, рынок высокотехнологических продуктов. На сегодняшний день доля и Республики Беларусь, и Российской Федерации, и ряда других постсоветских государств в мировом рынке высокотехнологической продукции менее 1%. Например, доля Европейского союза в нем – 35%, США – 25%, Сингапура – 7%, Китая – 5%.

Не впечатляет и структура экспорта-импорта в системе экономических отношений как между Беларусью и Россией, так и на пространстве ЕАЭС в целом. В ней по-

прежнему доминирует продукция аграрного и индустриального секторов. Понятно, совместный рынок аграрных и индустриальных отношений (товаров) нужно сохранять и развивать. Он объективно будет иметь свое значение. Но, вместе с тем, незамедлительно следует создавать рынок высокотехнологической продукции, что, как известно, является уделом постиндустриальной экономики, или экономики, основанной на знании.

Постиндустриальную экономику отличает специфическая отраслевая структура, в которой получают преимущество (а) перерабатывающие, (б) «урбанизированные» и (в) наукоемкие отрасли, а также (г) сфера услуг и особенно (д) информационно-технологическая сфера. Собственно, тенденция (д) и является уникальной характеристикой постиндустриальной экономики, поскольку тенденции (а) – (г) плавно нарастали в течение всего периода существования индустриальной хозяйственной системы [1, с. 50].

По мнению ряда экспертов современная Россия не использовала уникальный шанс, который ей был предоставлен в 1990-х годах: уйти от устаревшей экономики и приобрести к мировым тенденциям инновационного развития и строительства инфраструктуры общества, основанного на знании. Показательно, что США еще в 1970-е годы извлекли урок из тогдашнего падения мировых нефтяных цен и стали импортером нефти, хотя и имели технологичную нефтедобывающую и нефтеперерабатывающую промышленность. Уже в наступившем XXI веке даже такая богатейшая «нефтяная» страна, как Катар, имеющая доходы на душу населения в 64 тысячи долларов, решила уйти от «нефтяной» инфраструктуры в пользу инфраструктуры экономики знаний и компьютерных информационно-коммуникационных технологий [1, с. 51].

Переход к обществу, основанному на знании, не означает тотальное сокращение индустриального производства и не носит характера общей тенденции. Все зависит от того, на какой стадии развития находится то или иное государство. Есть страны, которые в 1970-е годы вошли в фазу постиндустриального развития и где сегодня удельный вес промышленности довольно высок: в Германии, к примеру, 29% ВВП, в Японии – 32%. В США он очень низок – около 12,5%. Но, как пишет известный теоретик постэкономического общества В. Л. Иноземцев, «вся промышленность Запада, за исключением пошива кофточек, стала высокотехнологической: доля технологических факторов в стоимости конечной продукции варьирует от 30 до 60%... Наступила эпоха, в которой уходит типичное разделение труда, описанное Марксом, производственный примитивизм. В ней гораздо больше проявлений того, что наука становится непосредственной производственной силой, а экономический выигрыш обусловлен тем, сколько интересных инновационных решений применено. Они могут быть технологическими, социальными, организационными. Но общество остается производящим, а производство – оснащенным машинами» [2, с. 8].

Поэтому и Беларуси, и России необходимо искать более перспективные сценарии развития и сотрудничества. Одним из главных показателей приоритетности научного потенциала любой страны является доля затрат ВВП на научные исследования и разработки. В Беларуси она составила: в 2007 г. – 0,96%, в 2008 г. – 0,75%, в 2010 г. – 0,7 %, в 2012 г. – 0,64 %, в 2015 г. – 0,5%. В России в середине 2000-х годов данный показатель был на уровне 1,25 %, к настоящему времени он уменьшился до значения 1,19 % [3].

Как известно, наукоемкость ВВП в Великобритании и Франции составляет более 2%, а в США и Германии – около 3%. Есть страны, где она выше трех процентов. Пороговым уровнем эффективности вложений в науку считается величина в 1%.

Важный показатель перехода к обществу, основанному на знании, – доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте страны. В Республике Беларусь этот показатель в последние годы начал снижаться, но остается сопоставимым с мировыми значениями (Швеция – 7,8%, Франция – 5,8%, Германия – 4,6%, Канада – 5,5%, Польша – 5%), которые являются порогом эффективности, позволяющим обес-

печивать экономический рост на инновационной основе. В Российской Федерации данный показатель в последние годы находится в пределах 4,1–4,2 % [4].

Исходя из вышеизложенного, следует признать в качестве особой стратегической задачи в пространстве белорусско-российских отношений и евразийской интеграции в целом актуализацию ценностей знания и образования как основы компетентности, креативности и безопасности человека и общества. Новая социокультурная функция образования и знания предполагает трансформацию ряда стереотипов в области организации и управления, производства, социальных отношений, межличностных и культурных коммуникаций.

Отрадно подчеркнуть, что постиндустриальная линия модернизации традиционных отношений достаточно явно обнаруживает себя в процессах приграничного белорусско-российского сотрудничества, что находит формальное закрепление в ряде нормативных документов, принятых на уровне приграничных областей и районов Российской Федерации и Республики Беларусь. Контент-анализ этих материалов, отраженный, в частности, в монографическом исследовании ««Новый регионализм» и белорусско-российское приграничье», показывает возрастающий интерес («частоту внимания») субъектов белорусско-российского приграничья к ряду постиндустриальных ценностей – научных, образовательных, культурных, спортивно-досуговых, информационно-коммуникационных и др.

Оценка «частоты внимания» к данным направлениям показывает, что в сотрудничестве приграничных регионов доминирует гуманитарная сфера. Это, прежде всего, научные и образовательные коммуникации (150 упоминаний), а также культурное взаимодействие (145 упоминаний). Второе место занимают торгово-экономические связи (77) и взаимодействие в сфере производства (76 упоминаний). Частота внимания к ним почти вдвое уступает гуманитарным связям. Далее следует социальная сфера (64 упоминания). Наименьшее внимание уделяется политико-правовому регулированию сотрудничества (53 упоминания) [5, с. 341].

Приграничье – наиболее показательный и чувствительный процесс сотрудничества и интеграции. Отмеченные эмпирические тенденции свидетельствуют, с одной стороны, о чуткости белорусско-российского приграничного сотрудничества к мировым тенденциям трансформации социально-экономических и культурных отношений, а с другой стороны, они говорят о том, что не только «центр», но и «периферия» в межгосударственных, региональных и глобальных связях может выступать ценностно-смысловым фундаментом стратегии модернизации и инновационного развития.

Список использованной литературы

1. Кулькин А. Общероссийская инфраструктура технологического развития // Свободная мысль. 2011. №3.
2. Иноземцев В. Л. Будущее России в новой индустриализации // Экономист. 2010. №11. С. 3–15.
3. Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS> (дата обращения: 18.10.2016).
4. Институт статистики ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <http://data.uis.unesco.org/?queryid=181> (дата обращения: 18.10.2016).
5. «Новый регионализм» и белорусско-российское приграничье / Под ред. И. Я. Левяша, А. Г. Егорова. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2012. 436 с.
6. Пограничная политика в условиях глобализации. Регион или регионы? Санкт-Петербург: Норма, 2010. 163 с.
7. Троицкий М. Глобальный регионализм и внешняя политика России // Свободная мысль. 2009. №11. С. 35–46.